

Симонова Ирина Александровна,

кандидат философских наук, доцент кафедры философии и акмеологии, Уральский государственный педагогический университет; 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: luboe05@mail.ru.

**ПОИСКИ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ СОЦИАЛЬНОГО СЕРФИНГА
В ИССЛЕДОВАНИЯХ МОЛОДЕЖИ**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: социальный серфинг; молодежь; транзитивное общество; трансгрессия; методологические основания; молодежные исследования.

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена поиску и дальнейшему анализу методологических оснований для концептуализации социального серфинга молодежи в контексте имеющихся молодежных исследований. Поскольку «молодежный вопрос» в науке был поднят еще в начале XX в., в работе затронуты как базовые установки классических исследований, так и наиболее современные молодежные методологии. В соотношении с идеей социального серфинга рассматриваются: коммуникативный подход; социально-экологический подход; теория сцен; идея функциональности молодежи как преобразующего агента; исследования молодежи в транзитивном обществе; теория трансгрессирующей молодежи. В результате выявлены такие важные основания для концептуализации, как трактовка молодежных активностей через понимание их общественной, коммуникативной природы, через ориентацию на общение, которое происходит добровольно, а не в результате отклонений или принуждения, и, вместе с тем, понимание прерывности, дискретности образуемых молодежью сообществ, констатация гибкости сцепления индивида с другими внутри них, а также системное описание современных социальных условий. Приведенные «молодежные» методологии важны, однако не исчерпывают полностью потребность в социально-философском обосновании социального серфинга.

Simonova Irina Aleksandrovna,

Candidate of Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy and Acmeology, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

**THE SEARCH FOR METHODOLOGICAL FOUNDATIONS
OF SOCIAL SURFING IN YOUTH STUDIES**

KEYWORDS: social surfing; youth; scene; transitive society; transgression; methodological basis; youth research.

ABSTRACT. The article is devoted to the search and further analysis of the methodological basis for the conceptualization of social surfing of young people in the context of the existing youth studies. Since the "youth question" in science was raised in the early twentieth century, this work is affected by both, the basic concepts of classic researches, and the most modern youth methodology. In correlation with the idea of social surfing we discuss: the communicative approach; social-ecological approach; the theory of scenes; the idea of functionality of youth as a transformative agent; studies of youth in the transitional society; theory of transgressive youth. The research revealed an important foundation for conceptualizing: the interpretation of youth activities through understanding their social and communicative nature by focusing on the communication that takes place voluntarily and is not a result of deviations or coercion. Besides we made conclusions of discontinuity of the youth communities, flexibility of coupling with other individuals inside them, as well as a systematic description of contemporary social conditions. The "youth" methodologies are important, but do not exhaust fully the need for social-philosophical justification for the social surfing phenomenon.

Несмотря на то что понятие социального серфинга является новым для современного обществознания, представления о «скользящем» способе жизни молодежи начали формироваться в области «youth study» уже во второй трети XX в. Сегодня мы можем говорить о некоторой линии среди зарубежных и отечественных исследований молодежной жизни, которая выделяется как значимое концептуальное основание для нашего подхода. В рамках настоящей статьи мы выделим и критически осмыслим наиболее заметные концепции, подготовившие теоретическую базу для выделения понятия социального серфинга в методологии исследований молодежи.

На Западе тема молодежи вошла в науку в свете миграции рабочих из деревень в города и интенсивной урбанизации – новая городская молодежь, функционирующая в нетипичной территориальности и не поддерживающая более традиционные социальные связи и ценности, впервые обнаружила себя как независимая социально-демографическая категория с присущим ей аутентичным образом жизни. Так, Е. Авди и К. Гриффин показывают, что на развитие молодежного вопроса на Западе, в отличие от России, повлияли, прежде всего, растущие тревоги доминирующих в обществе белых граждан, принадлежащих к среднему классу, поддерживающих послушание,

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 16-33-01057 «Социальный серфинг: форсайт гражданской субъектности российской молодежи».

сдержанность, законность. Их тревоги были связаны с нарастанием бунтарских настроений, межрасовых взаимоотношений и открытых проявлений сексуальности среди молодых людей [7]. Любые неинституциональные культурные явления, связанные с молодежью, таким образом, приравнивались к девиациям и трактовались как некая аномалия, бросающая тень презрения на все общественное устройство. Однако в результате ставших классикой исследований Чикагской школы (В. Ф. Уайт, А. Кoen, Ф. Трэшер, Э. Парк и др.) стало понятно, что не нужда и не психические отклонения, а среда и внутренние закономерности общения в группе определяют характер поведения молодого индивида, что подтвердило необходимость фокусировки на социальном аспекте проблемы молодежи. Такой поворот от девиации к сопротивлению на долгие годы связал исследования молодежи с идеями борьбы и протестности.

Например, это ярко проявилось в идеях представителей Бирмингемской школы молодежных исследований; молодежная активность стала трактоваться как ярко выраженный контркультурный феномен, несущий потенциал обновления. Особое значение имела радикальная теория молодежной классовой борьбы, описанная в коллективной работе Центра современных культурных исследований Бирмингемского университета «Сопротивление посредством ритуалов» [11]. Казалось бы, такое представление о молодежи напрямую противоречит идее социального серфинга и методологически бесполезно для нее, однако именно радикальность позволила теории столкнуться с реальностью и сообщить исследователям об ошибке. Но об этом ниже.

Постановка «молодежного вопроса» в России также происходила еще с начала XX в., однако в отличие от Запада, молодежь воспринималась как «идущие в светлое будущее строители коммунизма», поддерживающие старшие поколения, и лишь в 1960-е гг. стала рассматриваться еще и «как жертва западного влияния» [18], толкаемая на протест. Фактически такое положение сохранилось до самой перестройки. Созвучные западным подходы появляются в работах наших авторов только в конце 1980-х–1990-х гг., что связано с общественными изменениями и с возрастанием социальной активности молодежи, формированием новых типов неформальных творческих объединений. В этот период появляются исследования ИСИ РАН и Института молодежи (А. Б. Гофмана, А. Кабадека, Ю. Кочанова, В. С. Магуна, С. Митрохина, В. Писарева, М. Топалова, В. А. Ядова и др.). Наиболее интересная для нас традиция это-

го времени – представление молодежи как группового субъекта, который обязан реализовывать функцию трансформации общества, что так созвучно западным «героическим» идеям о молодежи. Общая как для западных, так и для отечественных подходов такая явная оптимистическая ориентация на молодежную продуктивность, ее «социальную производительность», ответственность в действительности дает возможность случиться важнейшему для нас теоретическому разочарованию конца XX – начала XXI в., обнаруживающему феномен социального серфинга: оказалось, что в новых условиях молодежь далеко не всегда производительна, часто она желает получить готовый социальный продукт, пользоваться имеющимися схемами, которые не спешит преобразовывать. Здесь-то мы и обнаруживаем ценность несбывшихся надежд на молодежь – это вынудило искать объяснения и таким активным, но «негероическим» стратегиям молодежной коммуникации, какие сегодня мы называем «социальный серфинг».

Так, постепенно на западе, именно в рамках того же Центра современных культурных исследований Бирмингемского университета (а позже и в России), начали развиваться идеи, подготовившие переход к постмодернистским прочтениям молодежной жизни в 80-е гг. прошлого столетия (К. Гриффин, Д. Ирвин, А. Макробби, Дж. Томлинсон, П. Уиллис, Л. Фойер и др.). Это привело к появлению нового направления – постсубкультурных теорий. Группы молодежи были определены ими как фрагментированные и жидкие тождества, для которых характерна гибридность, быстротечность, аполитичность, подвижность и «празднование» недостоверности каких-либо оснований [17, с. 60]. Такие авторы, как Д. Мугглетон, Гр. Джон, О. Мархарт и др. продемонстрировали стремление найти новые системы координат и выделить иное направление и теоретико-методологические основания для анализа современных активностей и предложили опираться на стилистическую выразительность как ключевую характеристику культуры. В терминологическое поле вводятся новые понятия, опирающиеся на характеристики стиля: Дж. Левис предлагает термин *taste cultures* [16], то есть культуры, в основании которых лежат вкусовые предпочтения. Дж. Т. Полхемус вводит понятие «*streetstyle themepark* – тематического парка стилей уличной культуры» [19]. Широко распространен также концепт «жизненные стили» (*life styles*), «...под которыми понимаются особенности идеологии, социальной психологии, потребительского поведения, языка

и символики, в целом образа жизни, – характерные для различных социальных групп» [6, с. 4]. По выражению Д. Муггелтона, «культура молодежи представляется в виде крупного “супермаркета” стилей, где участники молодежного пространства находятся в соседних отделах, постоянно пересекаются, но не перемешиваются окончательно» [16, с. 62]. Подобные идеи демонстрирует и работа Дж. Беннета и К. Кан-Харрис «После Субкультуры» [9].

Описанный подход предполагает тенденцию дробления общества на индивидуальности – фрагментация и рассеянность абсолютизируются до такой степени, что совместность и коммуникативность оказываются потерянными и заменяются индивидуализацией. Теперь молодежные общности «...должны быть поняты как проявление постсовременного гипериндивидуализма» [16, с. 6]. Безусловно, такой подход можно охарактеризовать как радикальный, он упускает из виду влияние социальных и экономических условий на людей, неясными также видятся и причины, по которым они вообще вступают в контакт друг с другом, когда ситуация их не вынуждает. Общество тогда толкуется как некоторое неохватное, раздробленное, разбросанное множество индивидов, стремящихся к выбору отдельного образа жизни, своего индивидуального стиля. Слабость подобных подходов заключается в недостаточном внимании к коллективной, совместной природе молодежной активности. К. Гелдер, современный исследователь теорий молодежи, отмечает ошибочность чрезмерной увлеченности индивидуализацией и полного методологического отказа от «корней», связанных с учетом групповой природы молодежной жизни, ее неотъемлемой коммуникативной составляющей [10, с. 6]. Вместе с тем, методологически такой подход дает возможность вернуться к исследованию социального серфинга, допускает его, поскольку позволяет обратить внимание на неустойчивость социальной включенности некоторых молодых индивидов в группы. Более того, здесь можно увидеть, что индивидуальное движение от группы к группе оказывается сегодня доступным любому, а переход из сообщества в сообщество облегчен отсутствием условий обязательных жестких включений, то есть обусловлен характером самих сообществ, в том числе их разнообразием.

Подобный сдвиг мы наблюдаем и в отечественных молодежных исследованиях – появляется устойчивое представление о том, что сегодня стратифицированное общество должно рассматриваться как совокупность различных, разноположенных

относительно друг друга субкультур, и каждый молодой человек вольно или невольно является ее частью. Так, согласно, например, Л. Г. Ионину, находясь в социуме, каждый индивидум, сам того не зная, будет принадлежать к какой-либо субкультуре, так как люди общаются, занимаются какими-то делами, вокруг которых сквозит дымка неназванной субкультуры [3]. М. Соколов, с опорой на идеи С. Фишера, утверждает, что сегодня принадлежность каждого человека к какой-либо субкультуре, пусть часто даже не имеющей самоопределения и ясной границы, – это норма [4]. Хотя согласиться в полной мере с такими утверждениями сложно, поскольку не всякое сообщество является субкультурой, представление об обществе как полиморфном и разнородном – идея позволяющая увидеть возможности для социального скольжения молодежи, ведь авторы подчеркивают множественность современной социальности, ее доступности для «опробования» молодым человеком. Интересными с точки зрения исследования проблемы социального серфинга являются молодежные исследования в контексте рискологической концепции (Ю. А. Зубок), где автор выделила такие особенности поведения молодежи, как необходимость привыкать к неопределенности, знать и определять альтернативы в условиях общества риска [1] (то есть речь идет о потенциальной невозможности социально фиксироваться, о потребности всегда ожидать перехода, скольжения в том числе о сложностях гражданской самоидентификации).

Хочется отметить идею анализа молодежной активности в условиях транзитивного общества (Е. В. Гусев, Г. Р. Хузеева, А. Н. Ильяшенко и др.), где авторы достаточно точно описывают контексты, в которых молодежи приходится сегодня строить свою идентичность – переходность, изменчивость, риск, неопределенность [2; 5]. Таким образом, описанный подход подтверждает наличие связей между подвижностью среды, особенностями самоидентификации молодежи, а также способами их социального бытия.

Базовое значение для идеи социального серфинга, очевидно, имеет концепция трансгрессии молодежи (К. Хейвард, А. Бадью [8], М. Пресди, К. Андерсен и др.). Молодежная активность, в том числе и преступные действия, анализируется как стремление к пределу, проверка лимитов, возникающие как реакция на двойственность современных условий – с одной стороны, культурную и социальную изменчивость и вездесущий рыночный подход и, с другой стороны, фальшивую стабильность, за которой кроются онтологические риски

[12]. Трансгрессия рассматривается как попытка создать контролируемое чувство утраты контроля [15], позволяющее преодолеть онтологическую неуверенность молодых людей. Как показывает, например, М. Пресди, молодежь живет напряжением между крайностями, в результате формируется культура «...которая вечно расширяет границы трансгрессии...» [20, с. 144], поскольку есть стремление избегать нормативности и императивов, наполняющих аутентичную культуру, поэтому недостаточность, пустота такой культуры здесь рассматривается молодежью как протест. Кроме того, авторы отмечают тенденцию маркетинга трансгрессии, которая нередко выступает как желанный потребительский выбор. В конечном итоге, некомфортность положения молодежи между осязаемыми рисками и навязываемыми «рациональными», однако не гарантирующими безопасность формами контроля, а также популяризация трансгрессии как формы овладения ситуацией и источника эмоций, создает условия для социального скольжения, толкает их на постоянную проверку пределов, делая социальный серфинг формой трансгрессивной практики.

Пожалуй, одним из наиболее ценных оснований для развития идеи социального серфинга оказывается концепт «сцена». Так, Д. Ирвин указал на слабую сторону понятий «банда» и «субкультура», которые предполагали наличие слишком большого количества обязательств участников перед группой, что гарантировало полное содействие и стабильность в членстве. В то же время объяснение таких общностей через понятия социального окружения, временных прихотей и массовой увлеченности, напротив, не охватывало присущих многим из них постоянства, единства или структурированности. Присоединение к той или иной сцене может произойти в результате выбора, а не только из-за затруднительного положения. При этом Д. Ирвин подчеркнул, что такие группы не являются статичными, они находятся в постоянной динамике и вместе с тем не создают сложных форм [14, с. 18]. Отношение к сцене может быть «случайным», неполным и непостоянным: «Сцены нередко сменяют друг друга и могут также “наложиться”, таким образом, социальная идентичность оказывается связана со многими сценами, а не с одной» [10, с. 11]. Термин «сцена» для Д. Ирвина не просто обнаружил поток различных социальных идентичностей, но позволил выразить дискретный характер «социального мира», обеспечил признание его увеличивающейся подвижности, не исключаяющей, однако, возникающие социальные связи.

Для Р. Хитцлера сцены представляли собой последствие трансформации прежних форм общности в результате «развития институционального общества» [13, с. 11]. Он показывает, что речь идет о некотором новом типе общности, который «...приходит на смену универсальным схемам интерпретации, перечням ценностей и образцам идентичностей, относящимся к обычным “институтам социализации”, таким как семья, школа, церковные или политические молодежные организации и т.д., которые теряют свою значимость и все реже вообще «обнаруживаются». Сегодня люди, даже находясь в «них», находят смысл по отношению к другим сферам жизни в относительно автономных свободно соотносящихся социальных пространствах» [Там же]. Речь идет об изобилии посттрадиционных общностей, легкодоступных, эстетически оформленных, названных и узнаваемых.

Вообще идея высокой значимости коммуникации для молодежных сообществ неоднократно озвучивалась многими исследователями. Как отмечает К. Гелдер, понимание сетевого характера коммуникации как основы для анализа молодежной жизни была озвучена рядом авторов, например, М. Аткинсоном, М. Виттелом, Е. Джонсом, Х. Шиавиро и др. [10, с. 10]. В. Тернер видел в молодежных общностях некую область непредустановленного контакта, свободного от общественного контроля [22, с. 136].

Таким образом, трактовка молодежных активностей через понимание их общественной, коммуникативной природы, через ориентацию на общение, которое происходит добровольно, а не в результате отклонений или принуждения, и, вместе с тем, понимание прерывности, дискретности образуемых молодежью сообществ, констатация гибкости сцепления индивида с другими внутри них, а также системное описание современных социальных условий обеспечило базу формирования концепции социального серфинга. Поскольку социальный серфинг понимается как специфическая коммуникативная стратегия, основанная на решении коммуниканта не связывать себя долговременными отношениями с теми или иными сообществами, ориентироваться на беспредельное социальное перемещение, – такой подход к социальным отношениям не является вынужденной мерой или какими-либо отклонением в развитии субъекта (физическими, психологическими и пр.), однако же он обусловлен актуальным состоянием социальности. Социальный серфинг следует рассматривать с точки зрения специфической организации самой такой коммуникации и выстраиваемого в результате социума, анализировать практики

и техники проживания такой социальной связи, а также обращаться к исследованию ценностей, лежащих в ее основании. Следуя такой традиции и осмысляя социальный серфинг именно в качестве особой «живой» связи, разворачивающейся и создающей определенную общественную динамику, мы избежим ошибок, связанных с абсолютизацией социальной структуры или, напротив,

иллюзии полной автономности субъекта. Каждая из приведенных методологических установок оказала значимый вклад в концептуализацию феномена социального серфинга в молодежной среде, однако его основания не могут быть ограничены только исследованиями молодежи и нуждаются также в широком социально-философском анализе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зубок Ю. А. Теоретические проблемы социального развития молодежи в обществе риска // Безопасность Евразии. 2003. № 3 (130). С. 124–141.
2. Ильяшенко А. Н. Молодежь в транзитивном российском обществе 1990–2000-х годов // Общество и право. 2012. № 1. С. 269–273.
3. Ионин Л. Г. Социология культуры. СПб. : Питер, 2009. 167 с.
4. Соколов М. Субкультурное измерение социальных движений: когнитивный подход. URL: <http://subculture.narod.ru/texts/book2/sokolov.htm> (дата обращения 15.11.2012).
5. Хузеева Г. Р. Социальная идентичность подростков и юношей в условиях транзитивности // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 46. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения 15.11.2016).
6. Шепанская Т. Б. Традиции городских субкультур \\\ Современный городской фольклор. М. : РГГУ, 2003. URL: <http://poehaly.narod.ru/subcult-f.htm> (дата обращения 18.02.14).
7. Avdi E., Griffin C., Brough S. Parents' constructions of the 'problem' during assessment and diagnosis of their child for an autistic spectrum disorder // Journal of Health Psychology. 2000. № 5 (2). P. 245–258.
8. Badiou and the youth: settle or transgress // Summary of a conference by Alain Badiou to high school students on TRUE LIFE (7.09.2016). URL: terenceblake.wordpress.com/2016/09/07/badiou-and-the-youth-settle-or-transgress/ (дата обращения 15.11.2016).
9. Bennett A., Kahn-Harris K. After Subculture : Critical Studies in Contemporary Youth Culture / eds A. New York, 2004. 208 p.
10. Gelder K. The field of subcultural studies. The subcultures Reader. London : Routledge, 2005. 224 p.
11. Hall S., Jefferson T. Resistance Trough Rituals. Youth Subcultures in Post-War Britain. London : Hutchinson, 1976. 178 p.
12. Hayward K. The vilification and pleasures of youthful transgression // Youth Justice: Critical Readings (2002), edited by Muncie J., Hughes G., and McLaughlin E., (London: Sage), 2002. URL: <http://blogs.kent.ac.uk/culturalcriminology/files/2011/03/hayward-vilif.pdf> (дата обращения 19.11.2016).
13. Hitzler R. Leben in Szenen: Formen juveniler Vergemeinschaftung heute. Wiesbaden : VS Verlag fur Sozialwissenschaften, 2010. 312 p.
14. Irwin J. Scenes. Beverley Hills, CA : Sage, 1977. 213 p.
15. Lyng S. Edgework: a social psychological analysis of voluntary risk taking // American Journal of Sociology. 1990. 95. P. 887–921.
16. Muggleton D. Inside Subculture: The Postmodern Meaning of Style. Oxford; New York, 2000. 198 p.
17. Nolte E. Jugend Freizeit Geschlecht. Der Ein uß gesellschaftlicher Modernisierung. Opladen, 1998. 264 p.
18. Pilkington H. Russia's Youth and its Culture. A Nation's Constructors and Constructed // Омельченко Е. Л. Молодежные культуры и субкультуры. М., 2000.
19. Polhemus T. Street Style: from Sidewalk to Catwalk. New York, 1994. 2016 p.
20. Presdee M. Cultural Criminology and the Carnival of Crime, London : Routledge, 2000. 205 p.
21. Lewis J. The Road to Romance and Ruin Teen Films and Youth Culture. New York, 1992. 209 p.
22. Turner V. The Ritual Process: Structure and Anti-structure. New York : Aldine de Gruyter, 1969. P. 136.

REFERENCES

1. Zubok Yu. A. Teoreticheskie problemy sotsial'nogo razvitiya molodezhi v obshchestve riska // Bezopasnost' Evrazii. 2003. № 3 (130). S. 124–141.
2. Il'yashenko A. N. Molodezh' v tranzitivnom rossiyskom obshchestve 1990–2000-kh godov // Obshchestvo i pravo. 2012. № 1. S. 269–273.
3. Ionin L. G. Sotsiologiya kul'tury. SPb. : Piter, 2009. 167 s.
4. Sokolov M. Subkul'turnoe izmerenie sotsial'nykh dvizheniy: kognitivnyy podkhod. URL: <http://subculture.narod.ru/texts/book2/sokolov.htm> (data obrashcheniya 15.11.2012).
5. Khuzeeva G. R. Sotsial'naya identichnost' podrostkov i yunoshey v usloviyakh tranzitivnosti // Psikhologicheskie issledovaniya. 2016. T. 9. № 46. URL: <http://psystudy.ru> (data obrashcheniya 15.11.2016).
6. Shchepanskaya T. B. Traditsii gorodskikh subkul'tur \\\ Sovremennyy gorodskoy fol'klor. M. : RGGU, 2003. URL: <http://poehaly.narod.ru/subcult-f.htm> (data obrashcheniya 18.02.14).
7. Avdi E., Griffin C., Brough S. Parents' constructions of the 'problem' during assessment and diagnosis of their child for an autistic spectrum disorder // Journal of Health Psychology. 2000. № 5 (2). P. 245–258.
8. Badiou and the youth: settle or transgress // Summary of a conference by Alain Badiou to high school students on TRUE LIFE (7.09.2016). URL: terenceblake.wordpress.com/2016/09/07/badiou-and-the-youth-settle-or-transgress/ (data obrashcheniya 15.11.2016).
9. Bennett A., Kahn-Harris K. After Subculture : Critical Studies in Contemporary Youth Culture / eds A. New York, 2004. 208 p.

10. Gelder K. The field of subcultural studies. The subcultures Reader. London : Routledge, 2005. 224 p.
11. Hall S., Jefferson T. Resistance Through Rituals. Youth Subcultures in Post-War Britain. London : Hutchinson, 1976. 178 p.
12. Hayward K. The vilification and pleasures of youthful transgression // Youth Justice: Critical Readings (2002), edited by Muncie J., Hughes G., and McLaughlin E., (London: Sage), 2002. URL: <http://blogs.kent.ac.uk/culturalcriminology/files/2011/03/hayward-vilif.pdf> (data obrashcheniya 19.11.2016).
13. Hitzler R. Leben in Szenen: Formen juveniler Vergemeinschaftung heute. Wiesbaden : VS Verlag fur Sozialwissenschaften, 2010. 312 p.
14. Irwin J. Scenes. Beverley Hills, CA : Sage, 1977. 213 p.
15. Lyng S. Edgework: a social psychological analysis of voluntary risk taking // American Journal of Sociology. 1990. 95. P. 887–921.
16. Muggleton D. Inside Subculture: The Postmodern Meaning of Style. Oxford; New York, 2000. 198 p.
17. Nolte E. Jugend Freizeit Geschlecht. Der Einfluß gesellschaftlicher Modernisierung. Opladen, 1998. 264 p.
18. Pilkington N. Russia's Youth and its Culture. A Nation's Constructors and Constructed // Omel'chenko E. L. Molodezhnye kul'tury i subkul'tury. M., 2000.
19. Polhemus T. Street Style: from Sidewalk to Catwalk. New York, 1994. 2016 p.
20. Presdee M. Cultural Criminology and the Carnival of Crime, London : Routledge, 2000. 205 p.
21. Lewis J. The Road to Romance and Ruin Teen Films and Youth Culture // New York, 1992. 209 p.
22. Turner V. The Ritual Process: Structure and Anti-structure. New York : Aldine de Gruyter, 1969. P. 136.

Статью рекомендует д-р филос. наук, проф. С. А. Азаренко